

Чжан Хэн и Холмс добрались до церкви как можно быстрее. Ржавый латунный замок на двери явно не мог их остановить. Холмс ударил по нему тростью..., однако, он не ожидал, что старый ржавый замок не поддастся.

Затем он отошел в сторону и наблюдал, как Чжан Хэн достает свой револьвер и выстреливает в замок, после этого двое мужчин ворвались в церковь.

Как и в случае с домом отца Иакова, здесь также никого не было. Яркий лунный свет, льющийся сквозь витражные окна на скамьи, создавал атмосферу необъяснимой торжественности и тишины.

“Найдите вход”, — Чжан Хэн обратился к Холмсу, и они разошлись в разные стороны.

.....

В этот момент Ирен Адлер, находившаяся под полом, услышала движение сверху и немного поёрзала, но сейчас её руки и ноги были крепко связаны, и она не могла двигаться. С кляпом во рту единственный звук, который она могла издать, было приглушенное мычание.

Отец Иаков, казалось, даже не заметил звук выстрела над головой, продолжая стоять за деревянным столом и молиться.

Но именно другой мужчина в комнате пугал певицу больше всего. Это был мужчина, лет тридцати-сорока, его кожа была ненормально бледной по сравнению с обычным человеком, как будто он редко видел солнце. Его лицо с заросшей, явно давно не бритой, щетиной и тело выглядели неестественно худыми, однако в жилистых руках ощущалась сила. Одет он был в старое пальто, и сейчас, сидя на краю кровати, с большим интересом наблюдал за Ирен.

Священник, казалось, знал, о чем думает певица, и равнодушно произнёс: “Они не смогут попасть внутрь в течение некоторого времени. Эта тайная комната была построена ещё в средние века, чтобы помочь людям найти в церкви пристанище в смутные времена. Даже если они захотят открыть ее, то не смогут сделать это быстро”.

Услышав это, Ирен перестала ерзать.

В этот момент бледнокожий мужчина, сидевший на кровати, нетерпеливо заговорил: “Вы уже закончили? Могу я сделать это?”

“Не так быстро, подожди еще немного”, — ответил отец Иаков, не оборачиваясь.

Он достал из-под стола испачканный кровью кожаный фартук и продолжил говорить с Ирен: “Вам, наверное, интересно, почему мы выбрали именно вас Это все из-за меня, из-за ошибки, которую я совершил в молодости”.

“Может, оставим эту историю на потом?!” - нетерпеливо спросил бледнокожий мужчина, но, переведя взгляд на кожаный фартук, он тут же оживился.

“Это не займет много времени”, — сказал отец Иаков, - “Помни, чему я тебя учил: будь вежливым и терпеливым”.

Бледнокожий мужчина на кровати сразу же замолчал, и на его лице появился болезненный румянец.

Отец Иаков продолжил: “Как я уже сказал, я совершил ошибку, мне тогда было всего 19 лет. Отец Мэтью написал письмо епископу, что в Церкви Святого Сердца не хватает священников. В то время мало кто из священников хотел приезжать в Ист-Энд, но я был так молод и порывист, что вызвался приехать и помочь”.

“Я должен признаться, что вначале мне было немного не по себе от здешней жизни. Я из семьи сельского сквайра и приехал в Лондон, когда мне было 16 лет. Я всегда сопровождал отца Эмерсона, однажды мы с ним приезжали в Ист-Энд, чтобы навестить бедных людей, но это было совсем другое, чем жить здесь, так что в то время я был немного ожесточен и хотел вернуться к отцу Эмерсону, но боялся, что люди подумают, что я не смог вынести трудности и поэтому сбежал”.

“Примерно в это же время я встретил девушку. Она была проституткой, ее звали Эмма, ей было всего шестнадцать лет, и она недавно начала заниматься этим ремеслом. Ей пришлось заняться этим, чтобы прокормить себя, поскольку её отец умер, а мать сбежала с другим мужчиной. Однако, в отличие от других проституток, она каждую неделю приходила в церковь на богослужение, вот так мы и познакомились”.

“Возможно, потому что мы были примерно одного возраста, она считала, что я не такой, как другие служители в церкви, поэтому она время от времени приходила и разговаривала со мной. Так получилось, что в то время я и сам пребывал в депрессии, и много раз она утешала меня”. Отец Иаков выглядел так, словно его захватили воспоминания.

“Отец Мэтью предупреждал меня, но я не воспринял его слова всерьёз, наоборот, я думал, что делаю доброе дело, направляю заблудшую душу. Я был так самодоволен, пока однажды ночью она не пришла ко мне. Было уже поздно, в ту ночь её избил жестокий клиент, и она порезала руку о стекло. Я перевязал ей руку. Когда я собирался встать, она украдкой поцеловала меня, и я замер. Это застало меня врасплох, мой разум помутился, а потом она прижалась ко мне, я хотел оттолкнуть её, но почему-то не смог собраться с силами, и то, что произошло после этого, было естественным ходом событий”.

“Она ушла до рассвета, оставив меня одного, и только тогда я понял, что я наделал. Я испытывал стыд и сожаление, я знал, что не оправдал ожидания многих людей — отца Эмерсона, отца Мэтью ... и особенно себя самого. Неважно по какой причине всё это произошло той ночью, этого не должно было случиться! Я хотел все исправить. С тех пор я сознательно начал отдаляться от Эммы. Несколько раз она приходила ко мне в церковь, но я

делал вид, что меня там нет, а ночью плотно запирали дверь своего дома и не открывали ее, кто бы ни стучал, так что через некоторое время она окончательно исчезла из моей жизни”.

“Сначала я испытал огромное облегчение, думая, что мне станет легче, но я не ожидал, что это будет только началом кошмара”.

“Может, начнем?” — прервал его бледнокожий мужчина, вытаскивая из-под подушки скальпель.

“Просто дай мне еще немного времени”. Голос отца Иакова звучал непререкаемо, поэтому бледнокожий мужчина мог только снова положить скальпель на место

“Почти год спустя я подобрал ребенка у дверей церкви вместе с письмом без подписи, но я мог опознать его как письмо от Эммы, которая говорила, что это наш ребенок, не было никаких доказательств, но почему-то я поверил ее словам”, — отец Иаков сделал паузы и повторил, - “... Я просто верю тому, что она сказала”.

Взгляд певички изменился, когда она снова посмотрела на бледнокожего мужчину на кровати.

Заметив взгляд Ирен, отец Иаков кивнул: “Правильно, это тот самый младенец. Я отдал его в приют, но условия жизни там были просто ужасны. После того, как он вышел, я нашел ему несколько рабочих мест в больнице, но он нигде не продержался долго. Пять лет назад отец Мэтью почти вышел на пенсию и переехал в пригород, и я остался один в Церкви Святого Сердца. Я позволил ему переехать сюда и рассказал ему все о нас с матерью. Я только хотел, чтобы он знал, откуда он, но не ожидал, что он поверит, что своей несчастной жизнью он обязан своей матери”.

“Мы можем уже начать, отец Иаков?!!!” Бледнокожий мужчина на кровати спрашивал уже не известно сколько раз, его терпение было явно на исходе.

“Она твоя! В прошлом я никогда не позволял тебе называть меня отцом, но теперь ты можешь называть меня отцом”, — негромко сказал отец Иаков.

Перевод: Флоренс

<http://tl.rulate.ru/book/35928/2333112>